

Язык художественной литературы

Немытая Россия (о возможном источнике лермонтовской формулы)

Анатолий Фёдорович Журавлёв, Институт славяноведения РАН,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва),
afzhuravlev@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170005364-9

Аннотация: В статье предложена гипотеза об истоках выражения *немытая Россия* в знаменитом стихотворении М. Ю. Лермонтова (1841). Контекстная семантика прилагательного оказывается более сложной, чем принято думать.

Ключевые слова: Лермонтов, Марлинский, поэтическая речь, реминисценция, лексика, коннотация, синтаксическая трансформация, межкультурные контакты, семантический ориентализм

Для цитирования: Журавлёв А. Ф. *Немытая Россия* (о возможном источнике лермонтовской формулы) // Русская речь. 2019. № 4. С. 77–81. DOI: 10.31857/S013161170005364-9.

The Language of Fiction

Немытая Россия (About a Possible Source of the Lermontov's Formula)

Anatoly F. Zhuravlev, Institute for Slavic Studies (Russian Academy of Sciences),
Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), afzhuravlev@yandex.ru

ABSTRACT: The author proposes a hypothesis about the origins of the expression *немытая Россия* (literally “unwashed Russia”) in the famous poem by Mikhail Lermontov (1841). The contextual semantics of an adjective turns out to be more complex than it is accepted to think.

KEYWORDS: Lermontov, Marlinsky, poetic speech, reminiscence, vocabulary, connotation, syntactic transformation, intercultural contacts, semantic orientalism

FOR CITATION: Zhuravlev A. F. *Немытая Россия* (About a Possible Source of the Lermontov's Formula). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 4. Pp. 77–81. DOI: 10.31857/S013161170005364-9.

B настоящей заметке предлагается гипотеза о том, как и откуда под пером М. Ю. Лермонтова, в хрестоматийном его стихотворении 1840 или 1841 года¹ (впервые опубликованном в 1873 году), возникло выражение

¹ Датирование этого стихотворения вызывает разноголосицу. Однако предположение, что оно создано до прибытия поэта на Кавказ, именно во время прощания, при подготовке к отъезду во вторую ссылку, видится самым вероятным. Здесь, пожалуй, не место обсуждать не раз выдвигавшееся со-

немытая Россия. В XX веке оно приобрело довольно широкое хождение — и прямой цитатой, и в реминисценциях (ср. в «Песни о великом походе» С. А. Есенина: «Русь нечёсаная, / Русь немытая!»).

Побуждение к выдвигаемой ниже догадке дает присутствие во второй строфе лермонтовского стихотворения слова *pasha* (в форме родит. множ.; слово усвоено через турецк. *paşa* из перс. *pādīshāh*): «Быть может, за стеной Кавказа / Сокроюсь от твоих пашей...». Оно представляет собою использование титула для высших чиновников в восточных деспотиях (в русском восприятии отягощенного коннотациями ‘властность’, ‘самодержество’, ‘коварство’, ‘мстительность’ и подобными) в качестве характеристики фигур, принадлежащих иным культурам, другим этническим и социальным традициям — прежде всего собственно российским, отеческим, но рисуемым с заметной отчужденностью (ср. аллегорическое — «прости свободные намеки» — отождествление России и безнадежно архаичной по политическому устройству Османской империи в раннем стихотворении Лермонтова «Жалобы турка», 1829). Уезжая на Кавказ, еще не вырвавшись из социального и культурного климата метрополии, Лермонтов предвосхищает соприкосновение с иным бытом и культурными навыками, вольное или невольное погружение в иную умственную среду и круг общественных установлений. Глядя на Россию уже как бы «оттуда», из-за хребта, Лермонтов проецирует моделируемый «ориентальный» дискурс и лексикон на реалии покидаемых мест и ненавидимого николаевского режима.

Нам кажется, что к лексике, воссоздающей атмосферу Востока, нужно относить и прилагательные *всевидящий* («от их всевидящего глаза»), *всеслышащий* («от их всеслышащих ушей»). Это устоявшиеся ныне переводы описательных имен Аллаха *аль-Басир* и *ас-Самиу* соответственно. Они принадлежат к числу наиболее частых из девяноста девяти эпитетов Аллаха в тексте Корана: первый отмечен 20 раз в 13 сурах, второй — 24 раза в 14 сурах. Допустимо думать, что к лермонтовским временам, несмотря на еще небогатую историю русских переводов Корана и его поэтических переложений, образный строй священной книги мусульман в целом был достаточно представимым. Сдвиговое применение «прекрасных имен»² к «анатомии *pашей* — социальных персонажей, которые Лермонтовым оцениваются явно отрицательно, — не должно рассматриваться как поэ-

мнение в том, что стихи принадлежат Лермонтову (см.: Проблема авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» с точки зрения современной филологической науки. Сборник материалов Международного круглого стола 12 мая 2017 г. Пятигорск, 2017). В сущности, для целей настоящей заметки авторство стихотворения даже не столь важно.

² Сура 7 «Преграды»: 180 (перевод И. Ю. Крачковского).

тическое кощунство: власть сама вменяет себе роль всезнающего и всесильного Бога. Вряд ли нужно настаивать на том, что автор разбираемого стихотворения рассчитливо выстраивал названные логико-семасиологические смещения, да еще осложня их межкультурным наложением. Они скорее «прочитываются», чем «диктуются»: семантическая структура поэтического текста свободнее прямолинейной «юридической» логики. И все же мы полагаем, что создание «восточного» лексико-смыслового фона в той или иной степени входило в сочинительские намерения Лермонтова.

Именно в описанном ключе, кажется, нужно принимать и интересующее нас прилагательное *немытый*.

В этом эпилете можно увидеть поэтически удачное слияние двух семантических моментов. В первую очередь напрашивается понимание «гигиеническое»: значение ‘грязный физически’ чревато дальнейшим метафорическим расширением и отражает собственное, лермонтовское восприятие России, погрязшей в рабстве. Менее очевиден второй момент — «конфессиональный»: допустимо усмотрение дополнительного, но не вытесняющего первое понимание, смысла ‘чужеверный ergo нечестивый, нечистый’, который отражает уже взгляд мусульманина на немусульманское общество и культуру, отличную от ислама.

Теперь — собственно догадка.

В одной из начальных сцен известной повести А. А. Бестужева (Марлинского) «Аммалат-бек» кто-то из толпы «татар»³, взволнованно вовлекающихся в конфликт между кузнецом-магометанином и русским офицером, который требует работы в запретное для приверженцев ислама время, выкрикивает: «Что нам за пророки эти *немытые русские!*» Эпитет отсылает к обязательному в повседневном поведении праведного мусульманина ритуалу омовения — одновременно практическому и символическому акту физического и духовного очищения. Мотив богопротивной «немытости» иноверца или отступника повторяется в другом тексте того же автора: «Не садишься в диване с *немытыми* армянами и с неверующими свиноедами...»; [Искендер-бек — Юсуфу, предложившему выпить водки] «Ах ты, *немытый* грешник! Мало тебе православных грехов, так ты, как блудливая кошка, из чужих отведываешь! Разве не знаешь, зачем пророк запретил вино?»⁴ (повесть «Мулла-Нур», 1836).

³ Герой повести, исторически реальный Умалат-бек, — буйнакский кумык.

⁴ В цитируемом контексте непривычным для современного русского словоупотребления образом прилагательное *православный* (калька с греч. ὁρθόδοξος ‘истинно верующий, последовательный в вере’, ср. *правоверный*) отнесено не к византийской ветви христианства, но к вещам, составляющим нарушение конфессионально-поведенческих норм в глазах благочестивого мусульманина. Такое понимание отталкивается от очевидной противопоставленности в реплике Искендер-бека *право-*

«Аммалат-бек» был напечатан в 1832 году в пяти выпусках издававшегося Н. А. Полевым — тогда еще либералом — неслыханными для тех времен тиражами журнала «Московский телеграф» (двумя годами позже за неподобострастие журнал был закрыт по личному распоряжению императора). Трудно представить, что Лермонтов, при его остройшем интересе к Кавказу, к воззрениям и обычаям народов, вручивших себя Аллаху и Магомету, знакомства с этой повестью избежал. Словосочетание *немытые русские* в тексте Марлинского, на которое мы обращаем внимание, и могло трансформироваться в ставшее знаменитым лермонтовское выражение.

Ограничиваться лишь «гигиеническим» пониманием обсуждаемого прилагательного ['грязная (→) оборванная, нищая⁵] было бы содержательным обеднением лермонтовской формулы. К нему, конечно же, добавляется момент нравственной оскверненности, духовного нечестия, хотя бы этот мотив был подогрет метафорикой, характерной для иноверческой культуры.

славного и чужого, где последнее как раз и имеет в виду «свойственное не исповедующему ислам, русское». В речи персонажа-магометанина, передаваемой Марлинским по-русски, выражение *православных грехов*, хотя и звучит несколько неловко, однозначно интерпретируется как 'поступков, с ортодоксальной точки зрения (здесь — мусульманской) оцениваемых как нечестивые'. В повести Бестужева (Марлинского) мы сталкиваемся со случаем использования русского прилагательного *православный* на той ступени его смыслового развития, которая предшествует терминологизации (и обнаруживается в ранних памятниках, например, в «Слове о законе и благодати» Илариона, сер. XI века).

⁵ Вспоминается мелькнувшая где-то в интернете фотография с ёрнической подписью «Немытая Россия»: субботняя очередь в общественную баню.